

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР УЗБЕКСКОГО ТРАДИЦИОННОГО БЫТА В ЗЕРКАЛЕ ДВУХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ

Хабибуллаева Ферузахон Казимжановна,

Доктор философии по филологическим наукам (PhD),

доцент Андижанского филиала Кокандского университета.

E-mail: feruza0902@mail.ru

MAQOLA HAQIDA

Qabul qilindi: 12-yanvar 2026-yil

Tasdiqlandi: 15-yanvar 2026-yil

Jurnal soni: 17

Maqola raqami: 81

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v17i.1779>

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ

СЛОВА/ KEYWORDS

бытовая реалья, вещная деталь, предметный мир произведения, ложные друзья переводчика, подстраничный комментарий, фоновые знания, узбекская проза

ANNOTATSIYA

В статье разобраны способы передачи бытовых реалий узбекской традиционной культуры в двух русских переводах романа Абдуллы Кадыри. Материалом стала сплошная выборка вещных деталей первой части произведения, сопоставленная по трём текстам. Показана зависимость переводческого решения от знания устройства и назначения предмета, разобраны наименования сандала, кумгана, теши, деталей зимней одежды и планировки традиционного дома. Установлены три типа отклонений, устранение детали, подбор ложного аналога и ошибочное толкование в подстраничном комментарии. Обоснована пригодность комбинированного приёма, соединяющего транслитерацию, краткое пояснение в тексте и развёрнутый комментарий, для реалий с высокой функциональной нагрузкой. Разбор вёлся на уровне отдельного словоупотребления с проверкой каждого наименования по словарю, по сведениям о материальной культуре изображаемого времени и по функции детали в эпизоде. Выявленные отклонения показывают зависимость успеха от осведомлённости переводчика в устройстве и назначении предмета. Отдельно обосновано положение о силе подстраничного примечания, работающего для читателя перевода наравне со словарной статьёй. Наблюдения приложимы к подготовке переиздания русских переводов узбекской классики с пересмотренным справочным аппаратом.

Введение. Вещная деталь принадлежит к наиболее уязвимым элементам художественного текста при переносе в чужую культуру. Предмет, привычный носителю языка подлинника, опознаваемого образа у читателя перевода не имеет, отчего наименование его либо исчезает, либо подменяется приблизительным соответствием. Проблема работы состоит в отсутствии рабочего критерия, по которому переводчик выбирал бы между устранением детали, подбором аналога, транслитерацией и подстраничным пояснением. Рабочая гипотеза формулируется следующим образом. Выбор приёма определяется объёмом информации, теряемой при замене, тогда как степень сохранности внешней формы слова решающего веса не имеет. Актуальность подкреплена продолжающимся переизданием русских переводов узбекской классики без пересмотра их справочного аппарата. Материалом проверки избран роман Абдуллы Кадыри «Ўтган кунлар» вместе с двумя русскими переводами, 1958 и 2009 годов, расходящимися по переводческой установке настолько, чтобы дать при сопоставлении две разные стратегии обращения с одним и тем же предметным рядом.

Анализ литературы. Предметный мир художественного произведения складывается из вещных деталей, за каждой из которых стоит устойчивая бытовая практика. Определение реалий у С. Влахова и С. Флорина закрепляет за ними отсутствие точных соответствий в других языках и требование особого подхода [10, с. 131]. Сходное понимание вошло в переводоведческий словарь Л.Л. Нелюбина [14, с. 319], уточнено И.С. Паревской применительно к границам самого понятия [15, с. 151] и разобрано В.А. Вернигоровой со стороны межкультурной коммуникации [9, с. 184], тогда как перенос на уровне отдельного слова описан А.Л. Бураком [7, с. 152]. Национальное своеобразие романа Абдуллы Кадыри «Ўтган кунлар» изучалось З. Махмудовой [12, б. 160], изобразительные средства и языковая ткань произведения разобраны А.Ю. Бобониёзовым [5, с. 114], однако предметный ряд как самостоятельный объект перевода до сих пор выделен слабо. Материалом стала сплошная выборка бытовых реалий первой части романа, сопоставленная по трём текстам, узбекскому подлиннику и двум русским переводам 1958 и 2009 годов.

Методология. Основой стала сплошная выборка бытовых реалий первой части романа, сопоставленная по трём текстам. Каждое наименование проверялось по толковому словарю узбекского языка, по сведениям о материальной культуре изображаемого времени и по функции детали в конкретном эпизоде. Отдельно учитывалось наличие подстраничного пояснения, его соответствие словарному толкованию и место постановки относительно первого употребления слова. Приёмы воссоздания реалий брались в объёме, принятом в

переводоведении, описательный перевод, точный перевод, подбор аналога, транскрипция и транслитерация. Отклонения группировались по трём типам, устранение детали, подбор ложного аналога и ошибочное толкование в примечании. Издание 1984 года привлекалось как след позднейшей правки перевода 1958 года. Количественных подсчётов работа не предполагала, поскольку разбор вёлся на уровне отдельного словоупотребления. Выводы делались при совпадении показаний словаря, бытовой практики и контекста эпизода.

Результаты. Первая бытовая реалья появляется в начальных сценах романа. Обозначение «танча» в обоих переводах заменено более распространённым синонимом «сандал», причём замена допустима, поскольку второе слово встречается и в подлиннике. Спорной остаётся передача пространственного отношения. Оригинальное «*Оттабек меҳмонлари танчага ўтқузиб, фотиҳадан сўнг Ҳасаналидан сўради*» [3] получило в переводе 1958 года вид «*после того как гости сели у сандала и была прочитана фатиха, Атабек обратился к старику*» [1, с. 28], в переводе 2009 года «*Атабек усадил гостей к сандалу и после краткой молитвы обратился к Хасанали*» [2, с. 8]. Субъектная организация фразы восстановлена во втором случае верно, поскольку глагол «*ўтқузиб*» удерживает за хозяином дома активную роль. Предлоги при обоих решениях выбраны ошибочно. Зимой за сандалом сидели, опустив ноги под ватное одеяло, отчего единственно верной остаётся конструкция «*за сандалом*». Замена доминанты номинации имеет и обратную сторону. В подлиннике ведущим наименованием остаётся «танча», в переводах ведущим становится «сандал», отчего частотное соотношение двух слов перестраивается, а указание на их полную синонимичность в тексте отсутствует.

Подстраничный комментарий в обоих изданиях повторяет одну формулировку о низком столике над углублением в полу с горячими угольями, служащем для согревания ног зимой [1, с. 28; 2, с. 8]. Читатель, лишённый бытового опыта, извлекает отсюда представление об обогревательном устройстве, тогда как сандал совмещал функции стола и печи. Развёрнутое толкование в переводе 2009 года помещено с большим опозданием, в конце второй части [2, с. 282], где работать в полную силу оно уже неспособно. Незнание устройства сказалось и на передаче фразы «*кутидор танчага олов қалаши қўйиб дастурхон буюриш учун ичкарига қўзғалди*» [3]. Хозяин дома принимался заправлять сандал готовыми угольями, а версия «*разжигать огонь в сандале*» [1, с. 56] расходится и с бытовой практикой, и с элементарными требованиями пожарной безопасности. Комментарий при первом употреблении слова снял бы обе трудности разом, указав на устройство, назначение и порядок

применения предмета. Назначение подстраничного пояснения состоит в выравнивании фоновых знаний, и запаздывающее пояснение выполняет задачу лишь для повторных употреблений, оставляя первое чтение без опоры.

Отклонение иного рода допущено при передаче фразы «*Хасанали дастурхон ёзиб кумгон киргизди*» [3]. Носителю языка подлинника сочетание «*дастурхон ёзмоқ*» сообщает о накрытом столе, а внесённый кумган мыслится наполненным заваренным чаем. Перевод 1958 года восполнил первое умолчание добавлением «*поставил угощение*», заменив кумган сообщением о принесённом чае [1, с. 40]. Перевод 2009 года сохранил предметную деталь, снабдив её толкованием «*медный кувшин с носиком для мытья рук*» [2, с. 40]. Толковый словарь узбекского языка определяет кумган иначе, как посуду для кипячения воды под чай [17]. Назначение предмета приписано ему от обдасты, причём смещение объяснимо соседним выражением «*одатий такаллуфлар*», переданным как традиционная церемония ухаживания за гостями, куда переводчик включил и мытьё рук. Словарная проверка предметного наименования остаётся при работе с реалиями обязательной процедурой. Толкование, помещённое в подстраничном примечании, обладает для читателя перевода силой словарной статьи, поскольку иных источников сведений о предмете у него нет, отчего ошибка в примечании закрепляется прочнее ошибки в основном тексте.

Функциональная нагрузка кумгана в романе шире номинативной. Чёрный кумган составляет едва ли не половину имущества в доме Жаннат опа, тогда как на пиру у Юсуфбека-хаджи чай разносят в нескольких чойдишах, отчего предмет обихода приобретает свойства социального указателя. В условиях караван-сарая, где живёт Атабек, кумган совмещает кипячение и заваривание, обеспечивая правдоподобие бытового фона. Устранение подобной детали обедняет и предметный, и характерологический план повествования. Приёмы воссоздания реалий, среди которых описательный перевод, точный перевод, подбор аналога, транскрипция и транслитерация, описаны А.С. Ермагамбетовой [11, с. 160] и уточнены Е.В. Сорокиной на материале русских переводов Ч. Диккенса [16, с. 170]. Выбор приёма определяется функцией детали в конкретном контексте, тогда как словарное соответствие даёт лишь исходную точку рассуждения. Систематизация приёмов у обоих исследователей строится на степени сохранности внешней формы слова, причём критерий функциональной равноценности остаётся в стороне. Применительно к вещной детали пригоднее иная шкала, где решающим оказывается объём информации, утрачиваемой при замене, бытовой, социальной и характерологической.

Подбор аналога чаще прочих приёмов оборачивается межязыковым квазиответствием. Явление, описанное Л.И. Борисовой на научно-техническом материале под именем ложных друзей переводчика [6, с. 215], обнаруживается и в художественной прозе. В главе о ночном подкопе орудием труда служит теша, однако перевод 1958 года в одном из двух упоминаний ставит кирку [1, с. 162]. Замена смещает предметный ряд, поскольку теша малое, острое и маневренное орудие, пригодное для скрытной работы, тогда как кирка велика и заметна. Смещение затронуло и жест. Оригинальное «*Мутал белидан тешасини олар экан*» [3] описывает извлечение орудия из-за пояса, привычное при малом весе инструмента, перевод же даёт снятие кирки с плеча. Х. Кадыри при подготовке издания 1984 года заменил кирку тешой, а К.А. Азамов оценил правку как устранение лексического и предметного расхождения [4, с. 160]. Соотношение двух упоминаний орудия в пределах одного эпизода

создаёт добавочное затруднение, поскольку читатель перевода 1958 года получает основание считать Мутала вооружённым сразу двумя инструментами.

Портретная деталь несёт сведения о времени, месте и общественном положении персонажа. Мирзакарим-кутидор облачён в «*совсар пўстин*» с покрытием из чёрного сукна [3], переданный в 1958 году собольей шубой [1, с. 45], в 2009 году куньей [2, с. 31]. Ареал соболя приходится на Россию, а мех его держался в чести у русского купечества, отчего первое решение читается как национализация подлинника. Вторая передача точнее, поскольку куньи водились и в Средней Азии. Одевание Офтоб-аим отклоняется от подлинника заметнее. Сочетание «*одми хон атлас гуппи*» превращено в короткую ватную душегрейку [1, с. 45; 2, с. 31], тогда как гуппи есть стёганный ватный халат с длинными полами, рассчитанный на зимние холода. События происходят на середину февраля, и сидеть на открытом айване в короткой душегрейке затруднительно. Белая дакана, накинутая на голову по-домашнему, превращена в кисею, отчего героиня оказывается с почти непокрытой головой [1, с. 45]. Ткани и меха работают в романе знаками достатка, отчего подмена одного материала другим переносит персонажа в чужой имущественный ряд.

Обсуждение. Планировка традиционного дома с делением на «*ичкари*» и «*ташқари*» служит в романе условием завязки. Вход посторонним мужчинам во внутреннюю половину закрывался, наружная оставалась доступной, отчего Атабек, направленный лавочником, входит в ташқари кутидора со спокойной совестью. Оригинальное «*Отабек дўкдорнинг кўрсатишича кутидорнинг ташқарисида кирди*» [3] получило в переводе 1958 года вид «*Так попал Атабек во двор кутидора как раз в ту минуту, когда Кумуш подошла к арку*» [1, с. 74]. Реалия устранена, встреча героев лишилась мотивировки, а поступок персонажа разошёлся с правилами поведения. Описание двора в обоих переводах также обходится без слова ташқари [1, с. 45; 2, с. 30]. А.В. Федоров ставил верную передачу обозначений вещей в зависимости от знания действительности, изображённой в подлиннике [18, с. 133], Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров описали соответствующий пласт как фоновые знания носителя языка [8, с. 246]. Комбинированный приём, соединяющий транслитерацию, краткое пояснение в тексте и развёрнутый подстраничный комментарий, остаётся для реалий с высокой функциональной нагрузкой наиболее надёжным. Пригодность приёма проверяется всякий раз заново, поскольку функциональная нагрузка вещной детали в разных эпизодах неодинакова.

Заключение. Проведённый анализ двух русских переводов романа Абдуллы Кадыри «*Ўтган кунлар*» показал, что передача бытовых реалий требует от переводчика не только языковой компетенции, но и глубокого знания традиционной культуры, устройства и назначения предметов. Выявленные случаи устранения деталей, подбора ложных аналогов и ошибочного толкования подтверждают необходимость учитывать бытовую и функциональную нагрузку реалий в контексте произведения.

Наиболее надёжным способом передачи реалий с высокой культурной и функциональной значимостью является сочетание транслитерации, краткого пояснения в тексте и развёрнутого подстраничного комментария. Такой подход позволяет сохранить предметный мир произведения и обеспечить его полноценное восприятие иноязычным читателем.

Список использованной литературы

1. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского Л. Бать, В. Смирновой. – Ташкент: Художественная литература, 1958. – 371 с.
2. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского М. Сафарова. – Ташкент: Шарк, 2009. – 432 с.
3. Абдулла Кодирий. Ўтган кунлар / Абдулла Кодирий. – Ташкент: Шарк, 2014. – 400 б.
4. Азамов, К.А. Своеобразие прозы Абдуллы Кадыри и его воссоздание в переводе на русский язык: дис. ... канд. филол. наук / К.А. Азамов. – Ташкент, 1989. – С. 160.
5. Бобониёзов, А.Ю. Абдулла Қодирийнинг «Ўтган кунлар» романида тасвирий воситалар ва тил бадиияти: дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Бобониёзов. – Ташкент, 1995. – С. 114.
6. Борисова, Л.И. «Ложные друзья переводчика» в научно-технической литературе / Л.И. Борисова. – Москва: НВИ-Тезаурус, 2005. – С. 215.
7. Бурак, А.Л. Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: Уровень слова / А.Л. Бурак. – 2-е изд., стер. – Москва: Валент, 2005. – С. 152.
8. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 1990. – С. 246.
9. Вернигорова, В.А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации / В.А. Вернигорова // Молодой учёный. – 2010. – № 3 (14). – С. 184–186.
10. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980. – С. 131.
11. Ермагамбетова, А.С. Сущность и значение национальных слов-реалий в языке художественного произведения и способы их перевода: автореферат дис. ... канд. филол. наук / А.С. Ермагамбетова. – Алма-Ата, 1972. – С. 160.

12. Махмудова, З. Абдулла Қодирий «Ўтган кунлар» романининг миллий ўзига хослиги: дис. ... канд. филол. наук / З. Махмудова. – Ташкент, 1996. – Б. 160.
13. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – С. 319.
14. Паревская, И.С. Непереводимое в переводе или к вопросу о понятии и специфике реалий / И.С. Паревская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44). – С. 151–154.
15. Сорокина, Е.В. Особенности перевода реалий художественного текста (на материале переводов романа Ч. Диккенса «Домби и сын»): автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Сорокина. – Москва, 2007. – С. 170.
16. Ўзбек тилининг изоҳли лугати. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2002. – 3 т.
17. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – Москва: Высшая школа, 1968. – С. 133